

СЕРГѢЙ МАКСИМОВЪ

СИБИРЬ И КАТОРГА

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М17

Максимовъ, С.

М17 Сибирь и каторга / С. Максимовъ. – М. : T8RUGRAM.
– 492 с.

ISBN 978-5-519-62063-5

Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) – знаменитый русский писатель, этнограф, диалектолог и знаток народного быта.

В 1860–1861 годах Максимов совершил удивительное путешествие на Дальний Восток через Сибирь. В книге «Сибирь и каторга» представлен уникальный материал, собранный автором в ходе поездки, об особенностях содержания сибирских заключённых, психологии преступников, этнографии и истории каторжного режима России.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТР.

СТР

Глава I. Въ дорогѣ. Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до ямторги: дорожные и тюремныя злоключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старая неурядица.—Окрывавшіяся колодезники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе ползубовъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердитыя.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапные кабаки.—Этапныя аданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Приказъ.—Майданички и откупа.—Подводы.—Старости.—Этапныя крѣмы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритье головъ и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приход арестантовъ на каторгу 7

Глава II. На каторгѣ. Моя повѣдка на строгую первозразрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и вѣстрячи.—Иванушка-дуралекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водовозѣхъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жилище.—Цыгга.—Каторжные.—Каторжная работы.—Смѣотрители.—Раскомандировки.—Казенныя порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взысканія отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—Смѣотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едино.—Вѣтунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влажное.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искусственно-развивавшаяся арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжныя забавы 31

Глава III. Въ бѣгахъ. Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтлогъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣгъ цѣпного.—Голый бѣглець.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чаждонъ.—Лѣса.—Побѣгъ на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронущи.—Приготовленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первыя шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обиліе побѣговъ.—Варнаккая дорога.—Вѣтрское мнѣніе.—Сыщики.—Вурата.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Заняжи.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Саранча.—Горбачи.—Избѣженіе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убіенныя горы.—Коурый.—Безопасные бродяги.—Левинчикъ на Лояхъ и въ нерчинской каторгѣ.—Блжтинскій мѣшанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Антарѣ, подъ Казанью, въ Петербургъ.—Вывалцы.—Вродяжъ судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе притоны и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани 55

Глава IV. На пропитаніи. Испитующіяся.—Воздержныя.—Невоздержныя.—Казенныя порядки и степени облегченія.—Прикованіе къ тачкамъ.—Прикованіе на стѣнную цѣпь.—Болозолъ.—Сумасшествіе.—Акатуй.—Таможные цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрловки.—Теребиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеничка.—Карымъ.—Фабрикантъ червонецъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя болѣзни.—Пропитаніе.—Исправившійся каторжный.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работы.—Каторжныя дѣти.—Пѣсни. 91

Глава V. На поселеніи. Сибирское населеніе изъ поселенцевъ.—Худая слава.—

Безвыходное положеніе. — Отношенія къ старожиламъ. — Бродячество и шатаніе. — Пѣсня. — Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія. — Прочнаго водворенія ссыльных не существуетъ. — Безплодность жъртъ. — Первые шаги ссыльнаго. — Вражда тюмцевъ. — Богатѣльни. — Посельщики. — Неспособные. — Смотрители поселенцевъ. — Воровство. — Свободныя самовольныя поселенія. — Киржаки. — Каменщики. — Смыльные колоніи невѣдомыя и вѣдомыя. — Задичалые поселенцы. — Золотныя промыслы. — Поселенцы на привскахъ въ тайгѣ. — Олганджи и миряки. — Евреи въ Сибири. — Инородцы въ семьяхъ. — Русскіе раскольникы за Байкаломъ. — Цѣлѣущія хозяйства. — Духоборцы. — Уральскіе казаки. — Невинно сосланные и возвращенные. — Поручикъ Ковлинскій. — Монахи. — Странникъ Иванъ Захаровъ Спассовъ. — Переѣзжа именъ. — Неправильность распределенія ссыльных по Сибири. — Палачи. — Презрѣніе къ нимъ и результаты его. — Кнутъ. — Богачи изъ каторжннхъ. — Чужеземцы въ семьяхъ. 107

Приваженія. I. Тюремныя пѣсни. Сорокъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣснѣ (старинныхъ и новыхъ). — Съ вариантами и объясненіями. — Творцы пѣснѣ: Ванька Канинъ. — Разбойникъ Гусевъ. — Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. — Пѣсня о праведѣ. — Мѣстные сибирскіе пѣтцы. — Ученая пѣсня. — Пѣсня Кармелюка. — Пѣсня Вигдота. — Воровбюкъ. 143

II. Тюремный словарь и искоузнныя байковныя, ламанскіе и кантонныя языки. Древность искусственныхъ языковъ. — Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный). — Разговоръ стукомъ (нѣмекій газетный). — Поляки и Шпаунъ. — Телеграфисты. — Разговоръ стукомъ декабристовъ. — Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Вестуновыми. — Обоженная палочка изъ вѣтника. — Тюремный словарь. — Вѣдность его. — Искусственные слова въ тюрьмахъ. — Древность ихъ происхожденія у насъ. — Ясакъ. — Разбойничій языкъ на Волгѣ. — Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Канина. — Отверническая рѣчь. — Сравненіе пяти дѣланнхъ языковъ. — Офепскій языкъ (словарь разносчиковъ - ходобщиковъ). — Образцы словъ и рѣчи. — Музыка или байковный языкъ карманниковъ. — Образцы словъ и рѣчи. — Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ. — Счетъ. — Языкъ кантонный. — Языкъ по хератъ и тарбарская азбука. — Языкъ кубаровъ и проч. 162

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Злодѣи. Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее. — Знаменитый Кореневъ — прототипъ злодѣевъ. — Его похищенія и злодѣйства; разбойная сторона; нишля братья; Вераковъ; артедъ слѣпцовъ — нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ — славный герой; палачи; пробѣски совѣсти въ злодѣѣ. — Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсненикъ Горный и его превращеніе. — Нашъ знакомецъ Дубровинъ. — Понятіе варнаковъ о кести. — Смыслыны убійцы. — Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбуль и Хамъ Вульевъ. — Злодѣи Филипповъ. — Минусинскій злодѣи. — Разбойники сибирскіе. — Судьба убійцы въ Сибири. 175

Глава II. Убийцы. Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ. — Мѣста, наиболѣе богатыя убійствами. — Монгольскія племена. — Прочіе инородцы. — Ураль. — Заводскіе люди. — Дѣтубійства. — Убийства жень и мужей. — Братубійства. — Убийства родственниковъ. — Убийства помѣщиковъ крестьянами и дворянами. — Крестьянскіе бунты. 199

Глава III. Самоубійцы. Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири. — Самоубійства въ городахъ и деревняхъ. — Орудія и способы этого преступленія. — Утопленіе. — Петли. — Иды. — Огнестрѣльные орудія. — Неволя. — Роковыя мѣста. — Сухая бѣда. — Ямки. — Самосожигатели. — Морельщики. — Огромное количество жерть. — Причины этого явленія. — Особый видъ сибирскаго раскола. 205

Глава IV. Бродяги и бѣжцы. Страна изгнанія. — Бродячество въ современнотъ видѣ. — Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти. — Гуляющие люди. — Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертеры). — Покинувшіе отечество (эмигранты). — Пристанодержательство. — Притышки. — Хлѣбосольство. — Сибирскія ваньки. — Варнаки и чадоны. — Опасности отъ бродягъ и бѣжцовъ. — Причины народныхъ бѣдствій. — Псевдонимы каторжннхъ (принятіе чужой фамиліи). — Городскіе бродяги. — Бродячество, какъ съмыльное явленіе русской народной жизни. — Историческій очеркъ русскаго бродячества. — Колонизація Россіи. — Многочисленные остатки древняго народнаго скитанія: безпаспортные, богомолцы, нищіе, запросчники, кубраки и лаборцы, бѣгуны, офены, ходобщики и проч. 210

Глава V. Воры и мошенники. Народныя понятія о собственности. — Вѣдомый большой воръ. — Воровскія мѣста въ Россіи. — Причины воровства. — Столичные жулики и мазурики. — Карманники. — Музыка (воровской языкъ). — Мышки (барышники-пріемщики). — Честный человѣкъ на воровствѣ. — Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шуллера. — Сословія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу. — Воровство — повальная тюремная и поселенческая болѣзнь. 231

Глава VI. Грабители и разбойники. Причины и корни грабежей. — Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ. — Варанта. — Сибирскіе и русскіе грабители и разбойники. — Связь разбоя съ грабствомъ. — Характеръ русскаго разбойника. — Разбойники вообще и въ частности. — Выковъ. — Чайкинъ. — Дуванъ. — Кабаки. — Цѣловальники. — Разбойничьи атаманъ и ихъ любовники. — Притоны и проч. 241

Глава VII. Поджигатели. Причины поджоговъ. — Проявленіе ихъ. — Пожары городовъ и деревень. — Гдѣ нѣтъ поджоговъ? — Поджоги — дѣтское и женское преступленіе. — Поджоги въ Россіи. — Красный пѣтухъ. — Мщеніе 251

Глава VIII. Преступники противъ вѣры. Святогаты. — Преступность духовенства. — Гробоконатели. — Колдуны. — Богоуленіе. — Отступленіе и отлученіе отъ вѣры. — Ересь и расколъ. — Скопцы. — Церковные воры въ Сибири и Россіи. — Воградскій гробоконатель. — Распавшійся на крестѣ фа-

натякъ. — Скопцы въ Сибири. — Хлысты. — Хлыстовщина въ монастырѣ. — Суботники. — Духоборцы. — Шельники. — Охохопцы. — Молокане. — Старовѣры. — Масыяновъ. — Отшельники. — Алтайскіе старообрѣ. — Семейскіе старообрѣ за Байкаломъ. — Виты за пона. — Часовенная Сибирь. — Духовенство въ Сибири. — Заводское духовенство. — Филиповъ. — Расколъ въ Сибири. — Причины и его развитіе 254

Глава IX. Преступления противъ казны. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ. — Мѣста и способы приготовления. — Деньги въ шубахъ. — Венгерцы. — Лабинъ. — Знаменитый Цезикъ. — Его замѣчательное мастерство. — Политическія цѣли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ. — Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица. — Корчменники; корчмство виномъ и солью. — Контрабандисты. — Кража золота и серебра. — Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда 276

Глава X. Старовѣры Папулины. Таинственные дома. — Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора. — Совратитель. — Борьба съ нимъ. — Успѣхи пропаганды. — Постный товаръ. — Успѣхи безпоповщины. — Женскій вопросъ. — Вѣтствующая церковь. — Параллель между двумя расколами. — Необычайный успѣхъ одошевищны. — Гоненія и упорство. — Посадъ Судиславъ. — Свѣтопреставленіе. — Папулинская община. — Совращенія. — Торжественныя моленія. — Старая книга и старая икона. — Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ. — Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности. — Торговля иконами. — Семень Кузьминъ. — Соловевская тюрьма. — Гдѣ правда? 288

Глава XI. Уничженіе пустошателей. Публичная казнь. — Голоса изъ толпы. — Молодость и воспитаніе преступника. — Выстрѣлы успѣхъ въ большомъ свѣтѣ. — Разнообразныя похищенія. — Таинственная келья. — Монастырскія послушанія. — Злодѣйскіе приемы. — Убийство и способы самооправданія. — Смысла и новыя приключенія въ странѣ изгнанія. — Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе. — Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ. — Кореневъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова. — Мнѣніе о послѣднемъ союзникѣ 302

Глава XII. Преступники противъ семейныхъ правъ. Развратъ. — Кровосмѣшеніе. — Снохачи. — Сводные браки. — Прелюбодѣніе. — Раствѣніе и насиліованіе. — Мужеложство и скотоложство. — Развратное и порочное поведеніе дворянъ и крестьянъ. — Ябедничество и клеветничество чиновниковъ. — Должныя доносы. — Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибири. 313

Глава XIII. Общие выводы. Валовое число ссыльныхъ. — Распределение ихъ по родамъ ссылокъ, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ. — Наибольше преступныя сословія. — Слабая преступность выдѣльческихъ крестьянъ. — Распредѣленіе ссыльныхъ по наиболѣе обобщеннымъ категоріямъ преступленій. — Роды преступленій, ссыльные господствующіе въ сословіяхъ. — Преступность инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени. — Преступленія евреевъ

и евреевъ. — Безгражданность мусульмановъ. — Преступленія кѣмцевъ и вообще лютеранъ. — Католики. — Православные 321

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I. Политическіе ссыльные. Смысла поляковъ въ Сибирь. — Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ. — Крыжановскій. — Ловелась воевода Обуховъ. — Польскіе конфедераты. — Злодѣяства надъ ними. — Состояніе администраціи въ Сибири. — Пестель. — Трескинъ. — Исправникъ Локучовъ. — Сперанскій. — Нѣмцовъ и разбойникъ Гондохинъ. — Собачья оспа. — Кохъ. — Ушнравскій полкъ. — Народные притѣснители. — Чудакъ Нарышкинъ. — Горные начальники: Рычковъ, Варботъ-де-Маринъ, Милекинъ. — Фринъ, Черныпинъ. — Шволскіе пѣльмне. — Татищевъ. — Беневскій — извѣстный искатель приключеній. — Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похищенія вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскаръ. — Судьба его товарищей. 329

Глава II. Ссыльные поляки. Обрушеніе ссыльныхъ поляковъ. — Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ. — Польскія возстанія и заговоры въ Сибири, Россіи и Польшѣ. — Участіе русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ. — Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ. — Встрѣча прибылыхъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огулъ. — Венжикъ. — Набоженства. — Касса поляковъ. — Товарищество. — Кедровое масло. — Цены. — Санчическій. — Братъ Далескис. — Обученіе дѣтей. — Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Синоинскаго и доктора Шокальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Мигурская. — Побѣгъ и похищенія Рувима Пшотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа. 341

Глава III. Бѣгство Александра II. Ссылка поляковъ съ 1863 года. — Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи. — Участіе иностранцевъ. — Сосланные на житіе и для водворенія. — Причины замкнутости ссыльныхъ и небезопасность ихъ водворенія. — Отношенія къ нимъ туземцевъ. — Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ. — Мастерскія въ Тобольскѣ. — Импривизированныя земледѣльцы. — Благопріятныя данныя. — Обрушеніе шведовъ. — Запорожцы. — Шляхты 362

Глава IV. Государственные преступники. Древніе способы исканія правды. — Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ. — В. Н. Романовъ и его страданія. — Матвѣевъ. — Располовъ Лазарь. — Растрпа Феодосъ (Феодосій Яновскій). — Ссылный колоколъ. — Тюрмы для великоважныхъ преступниковъ. — Остроги. — Монастырскія каюты. — Ссылка во время междупарствія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Ссылка малолетсоровъ. — Гетманы. — Гвинтовка. — Многогрѣшны. — Самойловичъ. — Сѣрко. — Войнаровскій. — Желѣзнякъ. — Дятлевъ. — Самозванцы 17 и 18 столѣтій. — Громадная ссылка стрѣльцовъ. — Враги Петра I. — Сообщники Татищова, царевича Алексѣя. — Ссылка при наслѣдникахъ Петра. — Враги Феофана Прокоповича въ ссылкѣ. — Виро-

мовщина. — Слово и дѣло. — Радищевъ. — Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка. — Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ. — Старецъ Никонъ. — Каурый. — Тверской крестьянинъ Ермолаевъ. — Сильный Артамоновъ. — Грузинскіе дворяне. — Семеновцы. — Инспекторъ Степановъ. — Копеевъ. — Извѣстникъ отечеству. 371

Глава V. Участіе осмыленныхъ. Безпріимые смышленые. — Корковая дача. — Меншиковъ съ семействомъ. — Долгорукие. — Наталья Борисовна Долгорукая. — Остерманъ. — Минихъ. — Головкинъ. — Ужасная участіе смышленыхъ: де-Сантъ, Монтедона, Фика, Ивашкина. — Стряпчій Коштыговъ. — Левшутинъ. — Соймоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдаты Чернышевъ). — Секретные арестанты. — Анадырскій нагнанникъ Аванегій Петровичъ. — Дѣти Волинскаго. — Волюжничество преступниковъ. — Сердечность отношеній сабировъ къ этимъ смышленымъ. 385

Глава VI. Декабристы. Смысла декабристовъ. — Пути ихъ по Россіи и Сибири. — Фельдгергеры. — Встрѣчные. — Губернаторы. — Каминскій городничій. — Судьба первыхъ носыми. — Жизнь до Читы. — Волконскій. — Трубецкой. — Оболенскій. — Братья Борисовы. — Якубовичъ. — Волконская. — Трубецкая. — Ген.-губ. Броневскій. — Благодатскій рудникъ. — Свиданія. — Столкновенія. — Препоручить Рикъ. — Приставъ Лепарскій. — Прибытіе остальныхъ декабристовъ. — Встрѣча. — Пребываніе въ Читѣ. — Помѣщеніе. — Казематы. — Поэтъ Одоевскій. — Новая тюрьма. — Работы. — Чита. — Волжскіе неволи. — Исторія Сухинова. — Бунтъ въ Ключинскомъ рудникѣ. — Судъ и казни. — Новыя правила. — Строгости. — Дубининская исторія. — Инструкція караульнымъ. — Омоложеніиновъ и его жена. — Штабъ Лепарскаго. — Клубъ. — Переписка съ родными. — Ослабленіе строгостей. — Общій столъ. — Домашнія занятія и самовоспитаніе. — Корняловичъ. — Мухановъ. — Никита Муравьевъ. — Пушкинъ. — Д. И. Завалишинъ. — Довторъ Вольфъ. — Арт. Зах. Муравьевъ. — Кухельбекеръ. — Луничъ. — Юневскій. — Музыка. — Воробы. — Не-декабристы. — Религиозность. — Женщины героини. — Трубецкая. — Губернаторъ Цейдлеръ. — Волконская. — Правила для женъ. — Муравьева-Апостолова. — Нарышкина. — Фонвизина. — Дамыкова. — Анненкова. — Янтальцова. — Ролентъ. — Дѣти 394

Глава VII. Декабристы (окончаніе). Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ. — Н. А. Вестужевъ. — Фонвизинъ. — Шахматовъ. — Дамская улица. — Жизнь въ Петровскомъ заводѣ. — Новый казематъ. — Община и артели. — Занятія. — Обязанности хо-

СТР.

зянина, закупщика, казначея и огородинка. — Выборы. — Бесчасность. — Ваносъ. — Положеніе холостыхъ и семейныхъ. — Вліяніе декабристовъ на страну нагнанія. — Жизнь ихъ на поселеніи. — Декабристы на Кавказѣ. — Маринскій въ Якутскѣ. — Сгорѣвшіе. — Занятія на поселеніи. — Изобрѣтеніе декабристовъ. — Последующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ. — Основанныя ими школы. — Горбачевскій. — Братья Вестужевы. — Торосъ. — Всепрошеніе. 417

Глава VIII. Исторія каторги. Находка рудныхъ богатствъ. — Чужескія работы. — Серебро. — Работы рудниковыя. — Исторія нерчинскихъ рудниковъ. — Побѣги рабочихъ. — Начальники: грекъ Левандіанъ, Суворовъ. — Самозванецъ Чернышовъ, дѣло о немъ и последующая судьба его. — Нарышкинъ. — Его безчисленныя чудачества и выходы. — Лекаръ Томилловъ. — Купецъ Копоновъ. — Воинственный походъ Нарышкина. — Взятіе имъ Верхнеудинска. — Арестъ его. — Воевода Теляшовъ. — Нѣщевъ. — Аршеневскій, Барботъ-де-Маринъ, Черныцкій. — Народныя преданія о послѣднемъ. — Теодоръ Фришъ и его жена. — Тираны. — Рычковъ. — Аистовъ. — Татаринцовъ. — Золотая лихорадка. — Добыча золота. — Богатства Нерчинскаго края. — Карійское золото. — Разгильдѣвъ 446

I. Нерчинскіе смирившіеся рудники и золотыя промыслы. 446

II. Самозванецъ Чернышинъ. 451

III. Василий Васильевичъ Нарышкинъ. 465

IV. Смирившіеся заводы. Желѣзо. — Петровскій заводъ. — Соль. — Селенгинскій заводъ. — Усть-Кутскій заводъ. — Добыча соли. — Каторжныя работы. — Троицкій солеваренный заводъ. — Иркутское-Усолъе. — Способы выварки соли. — Молокобойная фабрика. — Винокурение. — Евреи. — Смышленые. — Винокурение заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій. — Уничтоженіе этого вида каторги 480

V. Смирившіеся фабрики. Купецъ Буткинъ. — Полотняная фабрика. — Контракты. — Купецъ Солдатовъ. — Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельминская суконная фабрика. — Столбнянскій заводъ. — Омская суконная фабрика. — Пользованіе трудомъ смышленыхъ 487

VI. Смирившіеся крѣпости. Охотскъ. — Чиниррахъ. — Омская крѣпость. — Крѣпость: Семиблатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская. — Цуругхайтъ. — Арестантскія роты и работы. — Впорядочность ихъ. — Упадокъ каторжныхъ работъ и затруденіе, отсюда происшедшее 489



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

Въ дорогѣ, на каторгѣ, въ бѣгахъ, на пропитаніи и на поселеніи. Тюремныя пѣсни. Тюремный языкъ.

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя алоключенія.—Варабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полупубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовники.—Начальники смиренны и сердиты.—Тобольскія тюрьмы.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапныя кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Приваль.—Майданчики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритіе головъ и случай съ поляками.—Золотой порошок.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу.

Милосердныя наши батюшки,
Но забудьте насъ невольниковъ,
Заключенныхъ,—Христа-ради!
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтесь, наши батюшки,
Сожалѣйтесь, наши матушки,
Заключенныхъ,—Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ—
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками за желѣзными,
За дверями за дубовыми,
За замками за всѣячими.
Распростались мы съ отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—посменемъ.

Пѣсня «Милосердная».

Вотъ въ какую простую форму сложились и какую нехитрую пѣсню сказала просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ,— просьба, обращаемая обыкновенно къ сѣрдоболю обитателей сполуптаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идуть, а содержаніе и складъ ея, а особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ непріятностью и несовершенствомъ картинъ этихъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешевыя, не богатыя содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ: отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о роднѣхъ, которая тогда была для меня и далекою и удаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утлыхъ и старыхъ домовъ, одного въ которомъ засадила меня весенняя распутица и бездорожница.

Я сидѣлъ и слушалъ; и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, домая путину и разламывая натруженную и набогѣвшую грудь жесткою лямкою, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, приручивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжскою бурлацкою на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе и досужее воображеніе мое спѣшитъ рисовать уже иныя картины. Вотъ, думаюсь мнѣ, безжалостная подруга расплелъ у невѣсты дѣвчью косу, чтобы накрыть ея голову повоемъ;

и вотъ она, невѣста эта, вспомнивъ скорую утрату всей своей дѣвической воли,

Что во нѣгѣ у матушки,
Въ прохладѣ у братьевъ,—

лильавше все свое горе въ пѣсенный плачь, у котораго готова только вишняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самообытное и сильное. Невѣста какъ будто собрала въ груди все накопившееся горе и всѣ слезы и какъ будто въ послѣдній разъ въ жизни рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ и вслухъ всѣмъ. Напѣвъ въ нашей пѣснѣ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый и не менѣе щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ схожимъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вотъ пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе успѣло подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины— и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покрившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могли на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человѣкъ. Изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны плачи эти въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливые напѣвы этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равновѣрно закончены, одинаково вѣрны своей дѣлѣ и своему смыслу. Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышались и пѣсня, вся цѣликомъ, я забывалъ о реческихъ сравненіяхъ. Я бросилъ ихъ какъ невѣрныя, далекія отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣсней. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличать и выдѣлать изъ цѣлаго. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ: во стонахъ на этотъ разъ не одинъ человѣкъ—стонала цѣлая толпа. Словъ не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженіяхъ услыхать я не могъ поймать ни одного), слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ этотъ щемилъ сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовою тяжестью всяческой каторги, гдѣ человѣку хуже и безвозвратнѣе, чѣмъ въ другихъ какихъ либо отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ.

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни и, возвращавшись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ. Смѣю увѣрить, что ни

одна русская пѣсня не приурочена такъ къ выраженію внутреннего смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстраданная арестантами въ тюрьмахъ и на этапѣхъ. На этотъ разъ кандалная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть домой, т. е. прямо на каторгу.

Пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Не отстанемъ мы отъ толпы этой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочить ноги. Самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышныи и громкій потому только, что идущая партія слышно-каторжная, въ которой— какъ давно и всякому извѣстно— на каждыя ноги надѣваются тяжелыя пятифунтовые цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь— предначертанная, ради сбора подаяній, и вышла она торжественно потому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣніемъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы, такимъ образомъ, молюба была общою и конечно была въ сердце-больныя сердца слушателей.

Стоятъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни и бережно несетъ свою пѣсенную молюбу эта густая арестантская толпа, точно боится выронить изъ нее слово, сфальшивить тономъ, и поетъ усиленно громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погруженные въ слухъ и вниманіе, и конные и пѣшие: казаки и солдаты. Задумались даже эти привычные люди до того, что какъ будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаваніе. Пѣсня возмѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаванія до того шедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ— и не поднимаютъ.

А между тѣмъ, несутъ къ нимъ сильное подаваніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій ушла вся въ сердце и живетъ уже однимъ только сертробольемъ и говоритъ однимъ только вздохами. У нее вѣтъ (я это вѣрно знаю), лѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взялись послѣднія, когда она слышала на улицѣ эту „милосердную“, откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ прохородашихъ. Дастъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладонъ, дастъ она эти деньги, стыдится— и прятается, чтобы не выдали всѣ.

За бабушку Анисью (хотя и не костлявою. а жирною рукою) дастъ свою обрядовую дачу

и условную милостыню торговый крестьянин, купец, вчера только успевший оплесть доверчиваго казака на овес и хлеб и давно уже отдавший всё свои помыслы черствому и мертвящему дёлу „наживания“ капитала. Несетъ онъ свое подаваніе — и оглядывается, даетъ — и не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащить свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и срока, и домашнія невзгоды, которыя скопились на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ Богу на свѣчку, изъ спрятанныхъ на черный день и недобрый часъ.

Всѣмъ имъ въ отвѣтъ пропоятъ уже арестанты за деревню такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываетъ вы насъ,
Бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывятся подъ названіемъ „Милосердной“. Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири, но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣва нищихъ и сборщиковъ подаяній на церкви: „Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа-ради“. Словами этими просили милостыни въ голодъ, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужить не слюло слово въ пѣсню и не обязало извѣстныхъ своеобразнымъ нагѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и не извѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ, право просить къ недостающему казенному содержанию послышняго прибавка отъ добродѣтельныхъ дателей, — но по Россіи „Милосердную“ замѣнялъ бой въ барабанъ. Этотъ бой вѣдь къ той же цѣли и обезпечивъ былъ тѣмъ же результатомъ, хотя, по сознанію арестантовъ, и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говоритъ мѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту „Милосердную“ вдоль Россіи протянуть, дай-ка! мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ дѣло казенное, въ барабанъ солдаты бьютъ. Не всякому это понятно, а у всякаго есть бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія.

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и доверенные конвойному офицеру съ командою, выходятъ ежедневно, въ урочной день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулятъ эта дальняя дорога, много горя обѣщаетъ она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злоключеніе! тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

„Тамъ, — думаетъ народъ: — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взорты крутые, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчныя и озерныя омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не вынуть и не выпускать. И будутъ сидѣть они тамъ, Божіихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко нагрѣнныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни срока, ни платы, ни отдыха. Изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печаляхъ, затѣмъ, что ужъ имъ всякій выходъ заказанъ, и родина отрѣзана, и мыслы сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься, казна вездѣ найдется. Изъ песку веревочки не сошьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неслучному горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключенники, моя слеза сиротская, да въздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный: авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣба прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить; онъ вамъ и путь укажетъ, и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копейка не дербата! чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“!

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренны и у которыхъ заработная копейка только насущная, безъ лишка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой

толпѣ еще не приняла обыденной рутинной формы и еще не успѣла снизойти до обычая, который всегда предполагаетъ срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій, ояъ ждетъ только напоминанія. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобы вызвать порывъ этотъ на дѣло и обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходится на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль конейки не подшибаетъ. Но, тѣмъ не менѣе, пожертвованія идутъ справа и слѣва въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчѣ, на торговой Таганкѣ и въ извозничьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благоприятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подающія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артелі. Но разобратъ трудно, кто подаетъ больше: случайно ли появившіся на улицѣ прохожіе покупатели, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны, едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разица.

Разицы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончали уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недостоюмъ ждутъ сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, принужденныхъ искать системы и порядка, проходитъ разбѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому „дневи дождѣтъ злора его“. Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять-таки по предварительному и предвѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами и снабдило тѣ и другія громкими званіями, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія субботы и радунницы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники издавна обусловлены обязательно хлѣбною жертвою и денежнымъ подаяніемъ въ пользу страждущихъ, гоимыхъ и заключенныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, кото-

рое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ учение, по смыслу котораго „рука дающаго не оскудѣваетъ“, цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны—зажиточная жизнь и материальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старовѣровъ. „Одѣнемъ нагихъ,—говорятъ они въ своей пословицѣ:—обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жадныхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе“; „денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбръетъ“, „а потому одной рукою собирай, а другой раздавай“, ибо „кто сырыхъ питаетъ, того Богъ знаетъ“, а „голаго възыскать, Богъ и въ окошко подастъ“. Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характеристикѣ другихъ рисующемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность послыннымъ приношеніемъ и помощью уладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и сноихъ („пришлютъ кусокъ мяса, иногда колбоекъ, иногда мучьки и овсеца“), и отъ воеводскаго приказчика („мучьки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку да овечекъ съ 5—6, мясо“). На Байкалѣ незнакомые встрѣчные русскіе люди надѣляли пищу, сколько было надобно, „осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть Богъ, въ запорѣ, намъ далъ, возьми себѣ всю“. Починили ему лодку, зашли парусъ и на дорогу свабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣлалъ самъ царь съ парнцемъ и боярами („пожаловалъ царь 10 рублей денегъ, царца 10 рублей денегъ, Лука духовникъ 10 рублей же, Родионъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а Фехоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мѣвъ сунуть“).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстныя въ Западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыль-